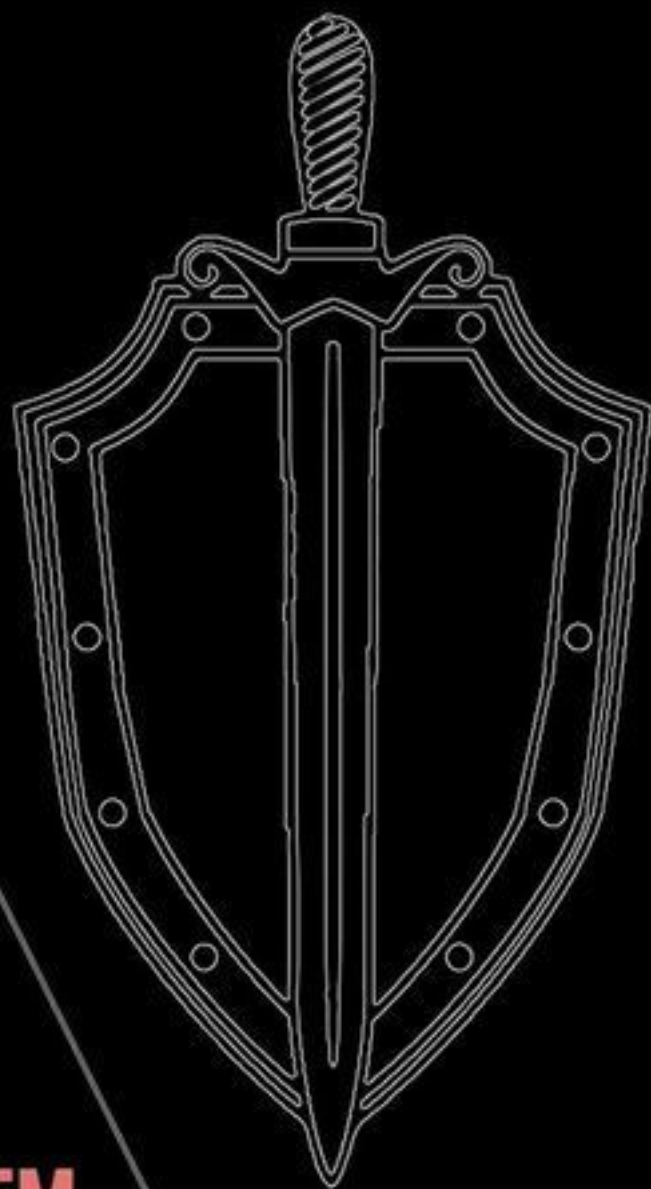

ВЛАДИМИР ЛЮКОВ

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

ЧАСТЬ 1
ОПАЛЁННЫЕ
ВРЕМЕНЕМ

Владимир Люков

**Быть человеком. Часть 1.
Опалённые временем**

«Издательские решения»

Люков В. Н.

Быть человеком. Часть 1. Опалённые временем / В. Н. Люков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851738-9

«Опаленные временем» — так называется первая часть романа-трилогии «Быть человеком». В центре повествования — жизнь и судьба Люкова Николая Ивановича — отца автора, представленного в романе под фамилией Нащокин (по месту рождения героя — деревня Нащокино). События, описанные в романе, охватывают большой период истории нашего Отечества.

ISBN 978-5-44-851738-9

© Люков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Станислав	6
Николай	7
Шурочка	9
Война	10
Лисовский	11
Анна	13
Оккупация	15
Шура	17
Николай	18
Нащокин	20
Завьялов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Быть человеком

Часть 1. Опалённые временем

Владимир Николаевич Люков

*Посвящаю моему отцу
Люкову Николаю Ивановичу*

*Редактор Кирилл Владимирович Люков
Дизайнер обложки Кирилл Владимирович Люков*

© Владимир Николаевич Люков, 2017
© Кирилл Владимирович Люков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1738-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Станислав 1953 год

Утопающий в буйной зелени Станислав, уютно раскинулся в предгорьях древних Карпат. Город был основан в семнадцатом веке семьёй польских шляхтичей Потоцких и первоначально назывался Станиславов. Его основали как крепость для защиты от набегов крымских татар и запорожских казаков. Крепость не раз выдерживала осады турецких и русских войск. В 1939 году он вошёл в состав УССР, в ходе присоединения Западной Украины к Советскому Союзу, и был переименован в Станислав.

Семья Нащокиных проживала по улице с красивым названием – Блаkitная. Квартира занимала первый этаж небольшого двухэтажного особняка. Дом был добротный, с палисадником, небольшим двориком и садом, окаймляющим его. Соседние дома, в основном, такие же двухэтажные особняки, летом утопали в зелени и цветах. Обильная растительность практически полностью скрывала их от постороннего взгляда. Настолько плотно, что со стороны виднелись лишь красные черепичные крыши. Улица, вымощенная брусчаткой, с одной стороны упиралась в высокую кладбищенскую стену из красного кирпича, а с другой заканчивалась большим, глубоким оврагом. Здесь любили собираться и играть все окрестные мальчишки.

Старший лейтенант госбезопасности Николай Нащокин дома практически не бывал. Боевой офицер-фронтовик, продолжал рисковать жизнью ничуть не меньше, чем на фронтах былой войны. Там, по крайней мере, не возникало вопросов: кто враг и где он находится. А в этой, казалось бы, мирной жизни всё было намного сложнее. По заявлениям советского политического руководства, националистические бандформирования были полностью разгромлены и все антисоветские элементы и кулаки высланы в Сибирь ещё в 1950 году. Завершившаяся на Западной Украине коллективизация ознаменовалась полной победой колхозного строя. Но, на самом деле, это было далеко не так. Время было очень тревожное. Недобитые банды националистов скрывались в лесах. Продолжались насилия, убийства, поджоги.

Николай 1945 год

Нащокина прооперировали накануне. Утром, проснувшись, он долго лежал на спине, не шевелясь и не открывая глаз, словно боялся нарушить состояние покоя и умиротворения, в котором ощущал себя в данный промежуток времени. Боль притупилась. Пожалуй, впервые за всё время, прошедшее после ранения, он чувствовал себя так хорошо. С закрытыми глазами лучше думалось. Уже который раз он мысленно возвращался в тот день, когда со своим взводом батареи сорокапятков, в ходе наступательного боя за польское местечко Бельска Бяла, вел интенсивный огонь по противнику. Бой был жестокий. Немцы дрались остервенело и много раз пытались контратаковать. Батарея стояла насмерть, отбивая все контратаки и давая возможность пехоте продвигаться вперёд и закрепляться на отвоёванных позициях. Гитлеровцы прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы сбросить их с плацдарма и восстановить оборону. Контратаки следовали одна за одной. Многие были убиты, а раненые продолжали воевать. Николай перебегал от одного орудия к другому, помогая товарищам вести огонь. Подтаскивал снаряды, заряжал, производил выстрел, спешил дальше. Страх не было. Было только стремление выстоять. Разорвавшийся в расположении батареи снаряд изрешетил ноги осколками. Его оглушило и присыпало землёй. Очнулся уже в санбате. Резкая боль в ногах давала о себе знать. Звонящий шум давил на уши. Сильно болела голова, а глаза почти ничего не видели. Необходимо была операция. Вечером того же дня, с Краковского аэродрома взлетел в небо американский «Дуглас», загруженный под завязку ранеными. Так Нащокин очутился в небольшом западноукраинском городке Станиславе, в тыловом госпитале. Город был областным центром и своей архитектурой напоминал польские города, которые ему довелось освобождать.

Итак, война, которая приближалась к своему завершению, для него закончилась уже сейчас. Не придётся ему, как видно, участвовать в штурме Берлина. Эх, его угораздило, не ко времени. Всю войну, считай, прошёл, ни одной царапины. А на последнем этапе не уберётся. Обидно только, что уже не пройдёт он по улицам поверженного Берлина, не побывает в самом логове фашистского зверя.

«Всё! Отвоевался, гвардии лейтенант», – с горечью подумал Николай.

Утром, после очередной операции, подсел к нему пожилой хирург-подполковник.

– Ну, что, лейтенант, как спалось? Какие сны смотрел?

– Про войну, будь она неладна.

– Ну, мил мой, война, для тебя уже закончилась. И без тебя теперь управятся. Вот поправишься, отдохнёшь маленько и домой поедешь. Родители-то живы? Жаждались, поди?

– Живы, слава Богу! – ответил Николай и тут-же осёкся...

– Вы не подумайте, товарищ подполковник, что я верующий какой. Это как-то само собой вырвалось. Привычка деревенская...

– Да ты, парень, не тушуйся. В душе должно быть место и Богу, иначе жизнь человеческая теряет всякий смысл. Каждый для себя когда-нибудь решает этот вопрос. Ну, да ладно! Какие твои годы, лейтенант. Радоваться должен, что живой остался в такой-то войне. А на ноги мы тебя поставим. Обязательно поставим. И не таких поднимали. Воевать, правда, не придётся больше, не успеешь просто. А вот на свадьбе своей отплясывать будешь, только держись. Невеста-то есть?

– Не успел, товарищ подполковник, – улыбнулся Николай, – я, ведь, на фронт, можно сказать, со школьной скамьи ушёл. Пришли к военкому всем классом. Дело было в августе, а мне семнадцать лет только в декабре исполнилось бы. Я военкома, с трудом, но всё же уговорил. Записал он мне рождение августом месяцем. А число, чтоб мне не забыть, двадцать четвёр-

тое взяли. Я ведь двадцать четвёртого года рождения. Очень удачно получилось. Но военком, всё же, вместо фронта направил меня в артиллерийскую школу, чтоб как раз и фактический возраст подошёл. Потом поступил на ускоренные трёхмесячные курсы в военное училище. По окончании присвоили младшего лейтенанта и сразу на фронт...

От острой боли, пронзившей, вдруг, ногу, он непроизвольно застонал, но тут же взял себя в руки и продолжил.

– Отец мой вернулся с фронта в сорок четвёртом, на костылях. Ногу ему оторвало... правую... по самое... дальше некуда, как говорится. На одной только жилке и держалась. Так он, прежде, чем потерять сознание, с такой силой обхватил её руками, что санитары отнять не смогли, чтобы выбросить за ненадобностью. Так и приволокли в санбат. А там подвернулся хирург-умелец, пришил её на место. Мать пищет, прижилась. Пока кое-как управляется с костылями. А как крестьянину хозяйство вести на костылях? А теперь вот и я...

Николай прикусил губу и закрыл глаза, чтобы не видно было нечаянной слезы.

– Отставить, лейтенант! – цыкнул на него подполковник. – Нако вот, что я принёс, держи. – И вложил ему в руку небольшой, но довольно увесистый кулёчек.

– Детям своим будешь показывать, для наглядности. Им воевать-то вряд ли придётся, но понятие должны иметь, кому они жизнью обязаны. И напоминать почаще, чтобы не забывали. Чем сильнее память, тем крепче мир будут беречь. Ведь, не зря же, столько душ загублено.

Николай развернул кулёк и на простынь просыпались кусочки металла, числом с дюжину. Они были разной формы и размера, с острыми рваными краями.

– Это самые крупные, – прервал минутное молчание подполковник, – а, что помельче, в ноге остались. Чтобы их извлечь, пришлось бы всё исполосовать. Может, какие и сами выйдут со временем, а так придётся тебе их всю жизнь в себе носить. Эта память всегда при тебе будет. Ну, мне, пожалуй, пора. Засиделся я тут у тебя. Поправляйся, лейтенант!

Николай лежал и думал, перебирая пальцами осколки:

«Вот, ведь, какой необыкновенный человек. Нашёл время, не смотря ни на занятость, ни на усталость. И, вроде, посидел всего-ничего и говорил не так уж много, но сколько в нём чувствуется силы духа и веры, и как он умеет тихо, ненавязчиво вселить уверенность в себе и так расположить собеседника, что хочется излить ему всю свою душу, без утайки, аж до самого донышка».

Шурочка март 1945

Просыпаясь, начинали ворочаться и подавать голоса соседи по палате. Николай открыл глаза и повёл взглядом по койкам.

Вот уже месяц пролетел с того дня как, прямо с операционного стола, его принесли в эту палату. За это время немало народу поменялось. Много человеческих трагедий происходило на глазах у Нащокина, смешиваясь в одну общую трагедию всего многострадального советского народа. Двадцать железных коек, установленных в палате, никогда не пустовали. Конвейер войны работал бесперебойно. На смену одним привозили других. Кто, успешно излечившись, отбыл вдогонку за фронтом, дальше на запад, добывать фашистскую гадину в его логове. Кого-то комиссовали, а кто-то, не справившись с выпавшими на его долю страданиями, помер.

Николаю уже сообщили, что в результате боя, в котором он был ранен, от батареи в живых осталось только двое, считая его. За мужество и отвагу, проявленные в бою, их представили к награде.

Нащокин считал, что слишком залежался. Он уже без посторонней помощи, правда с палочкой, выбирался на прогулки в мартовский сад, в котором ощущался запах наступившей весны. Николай считал себя достаточно здоровым и окрепшим. Нет, больше ему тут оставаться незачем. Пролёживать бока, когда другие сражались на передовой, ему не позволяла совесть. Нужно сегодня же поставить вопрос о выписке. Надежда на скорое возвращение в свою часть уже полностью овладела им. Рано его списывать со счетов, он ещё повоюет. А, если повезёт, то шарахнет прямой наводкой по Рейхстагу, да так, что на весь мир слышно будет...

В коридоре слышались быстрые шаги и в дверь не вошла, а впорхнула сестра Шурочка, всеобщая любимица, как всегда улыбчивая и приветливая, звонким переливом рассыпая свой голос:

– А, ну, герои, просыпа-а-айтесь! Как спали, герои-соколы? Какие просьбы-жалобы? А кто ещё забыл сделать укольчик?

Так щебетала она, проворно делая своё дело, порхала из одного угла в другой, от койки к койке и от этого щебета легче у всех становилось на душе, отходила тоска, уступая место надежде. Здесь, среди этих суровых, искалеченных войной людей, она ощущала всю свою значимость и полезность. Ей только-только исполнилось семнадцать лет и её неуёмная энергия рвалась наружу. Ей столько хотелось сделать доброго, нужного, необходимого. С юной горячностью и безрассудностью кидалась она на любой зов о помощи, словно в свои семнадцать лет боялась не успеть отдать людям частичку своей души. С большой трепетностью относилась она к своим нелёгким обязанностям. Чужую боль воспринимала, как свою собственную и счастлива бывала безмерно за других, если всё у них складывалось хорошо. Она старалась выкроить время для каждого раненого бойца и хоть капельку облегчить его участь. Одному поможет написать письмо домой, другому же почитает долгожданную весточку от родных. Все любили её и называли, кто дочкой, кто сестрёнкой, а кто по имени, но обязательно ласково – Шурочка. Родных у неё никого не осталось. Одна, как перст, на всём белом свете.

Её отец, Стефан Лисовский, прежде держал свою аптеку в самом центре Станислава. В 1939 году, после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу, аптеку национализировали, но он продолжал в ней работать, получая за это определённую зарплату.

Война июнь 1941 года

Предчувствие большой войны, казалось, висело в воздухе. Участились случаи нарушения нашей границы немецкими самолётами. 21 июня над городом появилось несколько самолётов ФВ-89. Была объявлена боевая тревога, но на КП приказали огня не открывать. День прошёл в тревожном ожидании. Наступила короткая июньская ночь. А 22 июня в 3 часа 00 минут гитлеровская авиация бомбила Киев, Одессу, Севастополь и другие города. С 3 часов 30 минут артиллерия противника ведёт сильный огонь по нашим пограничным заставам и укреплённым районам. Почти 400 километров границы под Станиславом прикрывала 12-я армия. С воздуха город прикрывал 12-й истребительный полк, который базировался на аэродроме Боушев, близ Станислава, и имел на 48 пилотов 66 истребителей. При первом же налёте вражеской авиации на аэродром полк лишился 36 машин. Но 8 наших машин всё же сумели взлететь. Завязался воздушный бой, в результате которого было уничтожено 11 вражеских самолётов. Наши потери составили 3 самолёта. Два самолёта «юнкерс-88» сбили зенитчики и захватили в плен пять немецких лётчиков.

22 июня ряд командиров РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) и их семьи подверглись нападению боевиков ОУН (организация украинских националистов). В некоторых населённых пунктах, на направлении ударов немецких войск, произошли вооружённые выступления националистов. Отряды ОУН, поддерживаемые частью местного населения, в основном в сельской местности, нападали на мелкие части РККА, на одиночные машины, разрывали линии связи. Некоторые группы боевиков были переодеты в красноармейскую форму, что в значительной степени обеспечивало успех их провокационным действиям.

Лисовский 1941 год

С началом боевых действий в город в большом количестве стали поступать раненые. Городскую больницу в спешном порядке переоборудовали под госпиталь. Ощущалась острая нехватка медицинского персонала и Стефан Лисовский предложил свои услуги. Ему приходилось ассистировать хирургам, а иногда и самому делать несложные операции. Гитлеровцы наступали стремительно. Госпиталь срочно был эвакуирован дальше на восток. Остались только самые тяжёлые, которых эвакуировать не было никакой возможности, ввиду их критического состояния.

Несколько дней власть над городом была в руках украинских националистов, а 2-го июля Станислав заняли венгерские войска. Хортистская Венгрия была союзником гитлеровской Германии и тоже участвовала в вооружённой агрессии против Советского союза. В городе была образована венгерская администрация, а так же и местная украинская вспомогательная администрация (бургомистр, старосты, полиция). Сразу же начались погромы. На месте расстреливали тех, кто выказывал малейшее неповиновение новому порядку. Местные украинцы начали убивать евреев и грабить их имущество. Несколько тысяч венгерских евреев было переселено в Станислав из Венгрии. А 26 июля город перешёл под управление германской администрации.

Стефан Лисовский остался в Станиславе. Да и некуда ему было уезжать. В этом городе он родился, здесь был его дом, здесь веками жили его предки, а на кладбище были похоронены родные и близкие ему люди. Осталась и его семья, жена с дочерью, хотя он и пытался отправить их вместе с госпиталем, но они категорически противились этому. Никто тогда и представить не мог, что эта война будет длиться так долго. Вместе с оккупантами возвращались и те, кто бежал от Советов в 39-м году. Они надеялись, при помощи новой власти, вернуть то, что потеряли и поквитаться с большевиками за причинённые ими лишения и обиды.

Обитатели госпиталя пребывали в тревожном ожидании. Они напряжённо прислушивались к каждому звуку, долетавшему с улицы. Лисовский для себя уже решил оставаться здесь и разделить участь этих, искалеченных войной, людей. Попытаться каким-то образом защитить, оградить их от возможной беды. Их было четверо, беспомощных, неспособных постоять за себя, людей. Из них – два командира: капитан и молоденький, безусый ещё, лейтенант. Капитан-танкист был особенно плох. Каким-то чудом удалось ему выбраться из горящего танка. Всё тело его было в ожогах. Он лежал без обеих ног, совсем ослепший, с раздробленной челюстью и беспрерывно стонал от невыносимой боли. Другие находились не в лучшем состоянии.

Внезапно, все услышали гул моторов, подъехавших к зданию грузовиков. Донеслась чужая, гортанная речь, стук кованых сапог выпрыгивающих из машин солдат. В следующее мгновение цокот подков донёсся уже с лестницы, ведущей на второй этаж, где, в одной из комнат, находились раненые красноармейцы.

Двери распахнулись и в палату вломились молодчики, в мышинового цвета форме, в нахлобученных на глаза касках, с короткими автоматами на изготовку.

Следом вошёл молодой, щеголеватый офицер, в фуражке, с высоко задранной тульей, с поблёскивающей стекляшкой монокля в глазу. Он остановился посреди комнаты и, постукивая стеклом по голенищу надраенного до зеркального блеска сапога, оценивающе огляделся вокруг. Поняв, что Лисовский здесь главный, он обратился к нему, обнажив белозубый рот. Говорил он на чистейшем русском языке.

– В этом здании будет организован госпиталь для доблестных солдат фюрера. Германское командование с уважением относится к мужеству и стойкости противника и не собирается мстить этим, заслуживающим сострадания людям. Напротив, руководствуясь, исключительно,

чувством гуманности, мы поможем вам перебраться в любое другое здание, которое вы нам укажете. Предлагаем вам спуститься во двор и начать погрузку в машину. С собой можете взять всё самое необходимое. Только всё это нужно делать очень быстро.

Во время своей пафосной речи он широко улыбался, демонстрируя этим своё особое расположение и участие.

– Пан офицер! – перебил его Лисовский, – эти люди находятся в крайне тяжёлом состоянии и их нельзя куда-либо перемещать. Они просто не выживут. Это равносильно убийству.

При этом, волнуясь и отчаянно жестикулируя, он, непроизвольно, наступал на всё ещё улыбающегося офицера, во взгляде которого удивление сменялось брезгливой высокомерностью.

– Я несу ответственность за них и не позволю кому бы то ни было... – подойдя почти вплотную, кипятился он. – Как лечащий врач, я просто требую оставить их здесь, насколько это будет возможным.

В одно мгновение улыбка слетела с холёного лица немца и он резко, наотмашь, ударил Лисовского стеклом по лицу.

– Швайн... – прошипел он и, развернувшись на каблуках, пошёл прочь, на ходу отдавая приказание солдатам.

Раненых красноармейцев, как попало, покидали в кузов и отвезли к ближайшему оврагу. Побросав их на землю, тут же стали расстреливать, ногами сталкивая тела вниз с откоса. Лисовский, до конца пытавшийся поддержать и подбодрить товарищей, разделил их участь.

Анна 1941 год

Когда жена Лисовского узнала о расправе над ранеными красноармейцами, то сразу же поняла, что её Стефана больше нет в живых. Нет, она не заголосила, не запричитала. Она будто окаменела вся.

– Собирайся, дочка! Пойдём папу искать... Убили его фашисты. Нужно его похоронить по-человечески.

Анна взяла у соседней тележку на колёсах и пошли они с Шурой к тому оврагу, который начинался сразу за кладбищем. С собой захватили лопату, чистую простынь да пару холщовых мешков, чтобы прикрыть тело. Благополучно, никем не замеченные, добрались до места. Было раннее утро. Они шли по дну заросшего кустарником и крапивой оврага, с трудом продираясь сквозь заросли.

Место казни открылось им совершенно неожиданно. Забинтованные, окровавленные тела лежали в самых неожиданных позах. Они были густо облеплены муравьями. Вороны, привлечённые запахом крови, начинали уже слетаться со всей округи. В предвкушении предстоящего пиршества, они чёрной тучей кружили над оврагом, оглашая окрестности громким, зазывным карканьем.

– Жди здесь! – сказала Анна дочери и вышла из кустов, с трудом сдерживая внезапно подкатившую тошноту. Стефана она увидела сразу. Он лежал на спине, широко раскинув руки. Открытые, безжизненные глаза были устремлены в небо. Анна ощутила, как раскалённый огненный шар обжёт грудь, виски сдавило. Ноги неожиданно подкосились и она грузно осела на землю, беспомощно цепляясь за ветки.

Дочь метнулась к матери, упала рядом на колени, обхватила её за плечи и... в тот же миг, увидела отца. Словно налетев, со всего маху, на неожиданное препятствие, когда от сильной боли перехватывает дыхание и нет никакой возможности сделать полный вдох грудью, чтобы криком заглушить страдание, она уткнулась носом куда-то в материну шею и тихо заскулила, подвывая, как собачонка.

– Па-а-п-ка! Па-а-почка!

Анна тоже, перестав себя сдерживать, вторила дочери. Выплакавшись, обе, враз, как по команде, замолчали и, не сговариваясь, встали. Молча уложили тело на тележку и укрыли сверху мешками. Потом Анна стала собирать хворост, сухие листья и засыпать тела убитых красноармейцев. Дочь последовала её примеру. Управившись, они постояли, чуть, у этой импровизированной могилы и, вцепившись в тележку, стали выбираться из оврага.

Кладбище, почти вплотную, подходило к оврагу, который являлся его естественной границей. Осмотревшись, Анна выбрала место для могилы и вонзила лопату в мягкую землю. Трава тут была высокая и густая. Она прикинула размеры, подрубила дёрн, аккуратно сняла его и положила рядом. Затем выкопала не очень глубокую, штыка на три, могилу. Дно заложила дёрном. Вдвоём они опустили тело в могилу и укрыв его, сперва простыней, затем мешками, осторожно засыпали землёй. После короткого, сдержанного прощания, молча тронулись в обратный путь. Теперь они шли через всё кладбище, прямо к главному входу.

Чем дальше они продвигались, тем богаче выглядели захоронения. Старинные фамильные склепы чередовались с изысканными памятниками из гранита и мрамора. У самого выхода они остановились возле кучи песка. Анна бросила на тележку несколько лопат, ровно столько, чтобы ни у кого не могло возникнуть вопросов. Они вышли через центральные ворота на улицу и пошли вдоль высокой ограды в направлении дома.

По пути попадались грузовые машины, с сидящими в них немецкими солдатами, тарактели мотоциклеты, проходили пешие группы. Город изменился до неузнаваемости. Трепались на ветру красные полотнища с чёрными пауками свастика на белом фоне. На всех углах расклеены были листовки, с угрожающими призывами к местному населению. Со стороны улицы Пилсудского доносился стук топоров. Когда они подошли ближе, Анна с ужасом поняла, что это возводят виселицу. На их пути вислоусый полицаи, с белой повязкой на рукаве, взгромоздившись на приставную лестницу, что-то приколачивал на стене здания. Внизу скалили зубы его товарищи, пытавшиеся, перекрикивая друг друга, давать вислоусому советы. Вот он опустил руки и, отклонившись от стены, стал любоваться содеянным. На белой табличке, успела прочитать Анна, чёрной краской было выведено: площадь Адольфа Гитлера. Анну бил озноб. Но никто не обращал внимания на две женские фигурки, тащившие куда-то тележку с песком.

Это было начало, а впереди их ждали годы страшной оккупации и никто не мог даже предположить, через какие страшные нечеловеческие испытания предстоит им пройти.

Оккупация 1941—1944

После захвата Советской Украины оккупанты разделили её на четыре части, нарушив тем самым её целостность. Эти части вошли в подчинение разным государствам и администрациям.

1. Черновицкая, Измаильская, Одесская, частично Винницкая и Николаевская области, а так же левобережные области Молдавии были объединены в губернаторство и включены в состав Румынии.

2. Западные области – Дрогобычская, Львовская, Тернопольская и Станиславская составили отдельный округ под названием «Галиция» и вместе с польскими землями вошли в состав отдельного губернаторства с центром в Кракове.

3. Черниговская, Сумская, Харьковская области и Донбасс подчинялись германскому военному командованию.

4. Остальные украинские области вошли в состав рейхскомиссариата «Украина» с центром в городе Ровно. Рейхскомиссаром Украины был назначен Эрих Кох.

В субботу 1-го августа 1941-го года в Станислав прибыл начальник гестапо Ганс Кригер со своими подручными. В тот же день он собрал представителей еврейской общины перед зданием гестапо и обратился к ним с речью с балкона второго этажа.

– Я очень добрый человек и хорошо отношусь к евреям. Заверяю вас, что вы тоже будете любить меня и жалеть обо мне после моего отъезда. Наш фюрер Адольф Гитлер тоже очень добрый человек. Он вынужден изолировать евреев во время войны от других национальностей, только лишь для того, чтобы они могли спокойно жить и работать. Поэтому всем членам вашей общины подлежит пройти регистрацию. 3-го августа мы будем проводить регистрацию всей городской интеллигенции. Регистрация будет проводиться здесь же, согласно спискам, которые сегодня же будут готовы и вы с ними можете чуть позже познакомиться. Я очень надеюсь, что мы с вами придём к полному взаимопониманию.

Вечером того же дня, руководитель национал-социалистической немецкой рабочей партии Альбрехт собрал в гестапо совещание-инструктаж проведения «синего понедельника». Такое название было присвоено акции, целью которой было уничтожение интеллигенции в Станиславе. Для этой цели были привлечены дополнительно три роты «СС» и выставлены патрули шуцполицаев для предотвращения бегства назначенных жертв.

Согласно вывешенного графика, для проведения регистрации городской интеллигенции в понедельник 3-го августа была назначена явка:

в 12:00 – представителей еврейской общины и раввинов,

с 14:00 – адвокатов,

с 16:00 – врачей и фармацевтов и далее по списку – художников, музыкантов, артистов, инженеров, фотографов и всех, имеющих высшее образование.

Людей, явившихся для регистрации, нацисты вывозили в ближайший лес и расстреливали из пулемётов. Тех, кто уклонялся от регистрации, доставляли в гестапо силой. Поляков, русских, украинцев жестоко пытали и затем тоже расстреляли. За шесть дней была уничтожена вся Станиславская интеллигенция. Всего 2865 человек.

Спустя два месяца, гитлеровцы провели ещё одну массовую акцию в городе, получившую название «Кровавая неделя в Станиславе». 12 октября солдаты «СС», гестаповцы и украинские полиция стали сгонять со всех концов города Станиславских евреев. Их собрали на базарной площади и стали отбирать ценности и деньги, которые они обязаны были принести с собой. Затем, как скотину, погнали в лагерь смерти на еврейское кладбище, предварительно огоро-

женное колючей проволокой. Там уже было выкопано несколько общих могил. Старых, немощных и детей битком набивали в грузовики и, как дрова, свозили туда же. За неделю, фашисты убили десять тысяч человек. В декабре всё оставшееся еврейское население согнали в гетто. Зимой многие умерли от голода и болезней. 31-го марта все венгерские евреи и пять тысяч местных были отправлены в лагерь смерти Белжец, а многие были убиты на месте. Облавы и расстрелы продолжались до 22-го февраля 1943 года, пока все евреи, остававшиеся к тому времени в Станиславе, не были уничтожены на еврейском кладбище. Уцелели буквально единицы. В основном, это те, кто сражался в партизанских отрядах и на фронте, в составе Красной армии.

Шура 1943 – 1945

Анна умерла в 43-м году. Долго и тяжело болела, мучилась. Шура самоотверженно ухаживала за матерью...

Соседи помогли ей похоронить мать рядом с отцом. Теперь Шура осталась совершенно одна и на всём белом свете не было у неё ни одной родной души. Ей только-только исполнилось пятнадцать лет. Шура была худенькой невзрачной девочкой и выглядела гораздо младше своего возраста. Это и оберегало её от приставаний немцев, квартировавших в их доме. Она прибиралась в комнатах, занимаемых офицерами, стирала им. Так и жила. Они её не обижали, а, вернее сказать, просто не замечали.

Шура часто бывала на кладбище. Ухаживала, как могла за могилами. Она общалась с родителями так, будто они были живы.. Рассказывала им всё о себе, советовалась по тому или иному поводу и принимая, порой, определённое решение, вполне обоснованно считала, что это они подсказали его ей. От этого общения ей становилось гораздо легче и она уже не чувствовала себя такой одинокой. Вот закончится война, мечтала она, и всё будет по-прежнему. Вернуться домой родители и заживут они так счастливо, даже лучше, чем до войны. Шура, по натуре, была очень мечтательной и впечатлительной девочкой и часто фантазии уносили её далеко-далеко, в заоблачные дали. Это, в какой-то мере, и помогало ей выживать в это жестокое время.

До неё доходили слухи о победах Красной Армии и, что фронт всё ближе и ближе приближается к ним. Новости она узнавала на базаре, куда бегала обменять что-нибудь из вещей на продукты.

Чем дальше на запад продвигался фронт, тем больше ожесточались оккупанты. Дня не проходило без расстрелов, облав, погромов. В июле 1944 года гитлеровцы хорошо подготовили Станислав к обороне. В городе располагалась 1-я немецкая пехотная дивизия и 16-я легкопехотная дивизия с подразделениями 2-й венгерской танковой дивизии. Жестокие бои развернулись на подступах к городу и на его улицах. С советской стороны наступление вели соединения 1-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника Андрея Антоновича Гречко, а непосредственно город освобождали части 18-го гвардейского стрелкового, 30-го и 95-го стрелковых корпусов при поддержке авиации 8-й воздушной армии. В результате Львовско-Сандомирской операции, успешно проведённой войсками 1-го Украинского фронта в июле-августе 1944 года, освобождены Львов, Западные области Украины, юго-восточные районы Польши, форсирована Висла, уничтожено 8 дивизий противника. А в сентябре-октябре того же года в ходе Восточно-Карпатской операции советские войска овладели Дукельским перевалом и освободили Закарпатье, вошедшее по итогам войны в состав советской Украины.

На освобождённых территориях, первым делом, восстанавливали органы советской власти.

У Шуры на квартире поселился новый жилец, подполковник медицинской службы. Лет ему было под шестьдесят. Совсем седой, очки в круглой оправе, седая же, клинышком, бородка. Добродушный, не военного склада, старичок. Ни дать ни взять, доктор Айболит из известной сказки, которую Шура читала ещё до войны. И звали его под стать – Андрей Аполлинарьевич Триандофилов. Он-то и предложил Шуре работу в госпитале для раненых бойцов и офицеров Красной Армии, который вновь был восстановлен на прежнем месте. Молоденькая санитарка вскоре стала всеобщей любимицей.

Николай 1945 год

С каждым днём фронт всё дальше и дальше катился на запад, стремительно приближаясь к «логову зверя» и не было в мире силы, способной остановить эту мощную лавину. Германия была обречена на поражение.

Николай понимал, что война для него закончилась и поэтому, когда ему предложили продолжить службу в органах госбезопасности и остаться в Станиславе, недолго думая, согласился.

В лесах хозяйничали банды националистов, которые в период оккупации тесно сотрудничали с фашистами, принимали активное участие в карательных акциях против мирного населения. Их руки были по локоть в крови и рассчитывать на снисхождение, а тем более помилование, не приходилось. Они были неплохо вооружены и терроризировали как органы советской власти на местах, так и мирное население. В июле 1944-го года организацией украинских националистов (ОУН) был создан, так называемый, «Высший совет освобождения Украины». Один из лидеров украинских националистов Роман Шухевич принял на себя командование украинской повстанческой армией (УПА).

Уже в семнадцать лет он стал активным членом террористической организации украинских националистов (ОУН), доставлявшей немало хлопот польским властям. В 1929 году Шухевич вместе с лидером молодых украинских националистов Степаном Бандерой проходили обучение в итальянской школе разведчиков. Навыки диверсионной работы, приобретённые в фашистской Италии, пригодились им в 30-е годы. Именно тогда по Галиции прокатилась серия террористических актов, за которыми стояли Бандера и Шухевич. За убийство министра внутренних дел Польши они были арестованы. В результате судебного процесса, состоявшегося во Львове, Бандера был осуждён на казнь. Впоследствии её заменили на пожизненное заключение. Шухевича приговорили к четырём годам лишения свободы. Он отсидел два года в польской тюрьме и вышел на свободу по амнистии. Опасаясь дальнейших преследований польских властей, перебрался в Германию, где поступил на специальные курсы при военной академии в Мюнхене. По завершении обучения ему было присвоено звание гауптштурмфюрера СС.

В 1939-м году немцы оккупировали Польшу и освободили из тюрьмы Бандеру и других лидеров ОУН. Началась усиленная подготовка оуновцев к вторжению в СССР. В Польше формируется украинский националистический батальон «Нахтигаль» («Соловей»). Командиром гитлеровцы назначили обер лейтенанта Герцнера, а от оуновцев Бандера назначил Шухевича. 18-го июня 1941-го года они приняли присягу на верность фюреру. 22-го июня немецкие войска атаковали границу СССР. На рассвете 30-го июня батальон «Нахтигаль» под командованием Шухевича ворвался вместе с немецкими передовыми частями во Львов.

В первые дни они уничтожили более трёх тысяч львовян-поляков, в том числе 70 учёных с мировым именем. А в течение недели батальон Шухевича зверски уничтожил около семи тысяч мирных граждан, в частности женщин, детей и стариков. Во дворе святоюрского собора митрополит Андрей Шептицкий провел богослужение в честь «непобедимой немецкой армии и её главного вождя Адольфа Гитлера». С благословения главы Украинской греко-католической церкви и началось массовое уничтожение мирных жителей Украины бандеровцами, нахтигальцами, уповцами и вояками дивизии СС «Галичина». Оставляя за собой кровавый шлейф, батальон под командованием Шухевича дошёл до Винницы. Затем немцы перебросили его в Белоруссию для борьбы с партизанами. На их совести уничтожение белорусских деревень и бесчеловечное истребление жителей.

За особое усердие Гитлер наградил Шухевича Железным крестом. В 1942 – 1943 годах при поддержке гитлеровского руководства была сформирована украинская повстанческая армия (УПА). Шухевич возглавил главный штаб УПА, но вскоре он уже был назначен её главнокомандующим. Фашисты щедро снабжали их оружием. Когда под напором Красной Армии гитлеровцы готовились бежать за пределы границ СССР, в руководстве УПА произошёл раскол. Некоторые из руководителей с частью повстанческой армии бежали вместе со своими хозяевами. Оставшиеся продолжали вести диверсионную работу в тылах Красной Армии. Их лидером стал Роман Шухевич.

После освобождения от гитлеровских оккупантов, правительство Советской Украины предложило им сложить оружие. Многие руководители отрядов УПА дали понять, что пойдут на переговоры с властями и без согласия вожаков. В 1945-м году Шухевич был вынужден согласиться с этим и послал на переговоры своих представителей, но не наделил их полномочиями подписывать какие-либо соглашения. А после завершения переговоров они были сняты со своих постов и ликвидированы службой безопасности УПА. В 1948-м году УПА практически прекратила своё существование. Часть пробралась через границы Польши и Чехословакии в Западную Германию, часть сдалась властям. Но Шухевичу бежать было некуда. С остатками своих боевиков он продолжал терроризировать население нескольких западно-украинских областей. Продолжалось дальнейшее разложение и деморализация в рядах бывшей УПА. В 1950-м году, при проведении спец операции, Шухевич был убит в доме своей любовницы при попытке к бегству. Но ещё достаточно долго разрозненные отряды и небольшие группы бандеровцев продолжали беспредельничать, запугивая простых обывателей и убивая активистов.

За время гитлеровской оккупации Украины от рук фашистов погибло 5 миллионов 300 тысяч мирных граждан, 2 миллиона 300 тысяч трудоспособных украинок и украинцев было угнано в Германию.

От рук карателей-бандеровцев погибло 850 тысяч евреев, 220 тысяч поляков, более 400 тысяч советских военнопленных и ещё 500 тысяч мирных украинцев. Убито 20 тысяч солдат и офицеров Советской Армии и правоохранительных органов и примерно 4—5 тысяч «недостаточно активных и национально сознательных» своих же воjak УПА.

Сотрудники органов госбезопасности не знали покоя ни днём ни ночью. Они гонялись за бандеровцами по окрестным сёлам и лесам, выкуривая их из схронов и насиженных мест. Часто силы были неравными. Николай жутко уставал, давали знать о себе раны. Местное население относилось к ним не то, чтобы враждебно, но всё же как-то настороженно, с некоторым опасением. И одной из задач, которые им приходилось решать ежедневно, была задача заслужить доверие людей. Не только успокоить, но и вселить уверенность в завтрашнем дне, дать ощущение защищённости. Да и то сказать, всё время они были «под кем-то». То под Польшей, то под Австро-Венгрией, снова под Польшей, под германцами, а теперь под Советами. Конечно же, были такие, что помогали активно и сознательно. С ними бандиты стремились свести счёты прежде всего. Делалось это, обычно, при помощи верёвки-удавки. Для устрашения населения применялись самые изощрённые пытки и казни. Людям отпиливали головы, вешали за ноги, сажали на кол. Часто для выполнения своих гнусных деяний они передевались в красноармейскую форму.

Нащокин 1953 год

В предрассветной тишине тревожно и пронзительно зазвонил телефон. Николай стремительно подхватился с постели.

– Слушаю, Нащокин!

– Товарищ старший лейтенант! – прокричал в ухо взволнованный голос дежурного, – Вас срочно вызывает майор Завьялов! Машина за Вами уже выехала!

Николай положил трубку и стал одеваться. По-быстрому умывшись, он вышел в коридор и начал натягивать сапоги. Из кухни вышла заспанная Нина, со свёртком в руках. Она уже успела собрать бутерброды.

– Ну, зачем это? – стал, было, возражать Николай, обнимая жену. – Я туда и обратно.

– Знаю я тебя. Ты уж там поосторожней, пожалуйста. На рожон не лезь, – прильнула к мужу Нина.

– Ну что со мной может случиться? Ведь у меня есть вы и я вас очень-очень люблю.

Было слышно, как подъехала машина. Поцеловав жену, Николай поспешил на улицу.

Завьялов 1953 год

Майор Завьялов ждал Нащокина в своём кабинете. «Накурено, хоть топор вешай», – входя отметил некурящий Николай.

– Проходи, садись, – кивнул Завьялов, смачно затягиваясь папиросой. – Извини, что выдернул тебя в выходной, но не дают нам с тобой отдыхать пока. Сам понимаешь. Из Яремчи сообщили, что в Делятине объявилась банда «Вепрь». Ночью они разгромили местное отделение милиции, всех активистов расстреляли, председателя сельсовета повесили, а всю его семью вырезали, включая двух малолетних детей.

– Сведения достоверные? – поинтересовался Нащокин. – Почему там решили, что это «Вепрь»? Ведь, насколько мне известно, он до сих пор орудовал в Закарпатье и в наши места не заглядывал.

– Сведения самые, что ни на есть, достоверные. На месте преступления он всегда оставляет свою метку, подписывая кровью убитых им людей свою кличку. Поэтому и узнали, что это был он, – прикуривая одну папиросу от другой, ответил Завьялов.

– Он будто бы бравирует перед нами. И, видимо, настолько уже уверовал в свою неуязвимость и безнаказанность, что даже не считает нужным скрывать от нас сам факт своей причастности к творимым им и его бандитами преступлениям. «Ястребки» с милиционерами из Яблонинова отрежут им отход на Кременцы и постараются удерживать, пока не подоспеет мы. Итак, выезжаем немедленно. Бондаренко, наверное, уже всё организовал.

Они вышли во двор, где заместитель Нащокина лейтенант Бондаренко уже провёл краткий инструктаж и скомандовал зычным голосом:

– По маши-и-инам!

Всё выполнялось чётко, по-военному, без лишней суеты и разговоров. Уже через пять минут колонна, состоящая из двух грузовиков и командирского «козлика» ГАЗ-67Б выехала из ворот областного управления госбезопасности и двинулась в южном направлении.

– Через час будем на месте, – произнёс Завьялов, взглянув на часы. – Сейчас без четверти шесть.

Он закурил очередную папиросу. В это время они проезжали уже через Черниев. Несколько минут он курил молча, но затем, снова взглянув на часы, произнёс:

– Минут через двадцать будем в Надворной. Там к нам присоединится капитан Шостак со своими хлопцами. Это наш новый сотрудник, недавно переведён к нам из Закарпатья. Кстати, Шостак родом из Кременцов, как и Вепрь, и места те знает очень хорошо. Когда вернёмся, надо будет запросить из Ужгорода дело этого Вепря. Было бы замечательно, если бы там оказалась и его фотография. Очень хотелось бы посмотреть, что это за зверь такой. Впрочем, у нас есть возможность сегодня познакомиться с ним лично.

Нащокин слушал молча, утвердительно кивая. Он подумал о своих. Нелегко Нине справляться с тремя сорванцами, глаз да глаз нужен. К тому же она работала. Служила в их же управлении секретарём-машинисткой. У них было три сына, мал мала меньше. Старшему было пять, второму недавно исполнилось четыре, а младшему всего-то восемь месяцев было. Нина нашла для них няню, из местных. Звали её Ганной. Ей было двадцать лет. Несмотря на свою молодость, к своим обязанностям она относилась очень добросовестно. И детям нравилась, что было немаловажно. Разговаривала на суржике – смеси украинского, польского и русского языков. Нина к ней очень привязалась и со спокойной душой оставляла на неё детей, уходя на работу. Николай улыбнулся своим мыслям. Впереди показались огни Надворной.

Вскоре они увидели, как из зарослей кустарника, подходившего в этом месте к самой дороге почти вплотную, вышли двое с автоматами наперевес.

– А вот и Шостак, – сказал Завьялов и приказал остановиться.

Капитан Шостак подошёл к машине и, открыв заднюю дверцу, уселся рядом с Нащокиным.

– Здравия желаю! Капитан Шостак, – приветствуя офицеров, представился он.

Завьялов представился сам и представил Нащокина. Они обменялись крепкими рукопожатиями.

– Ну?! – поторопил Завьялов, чиркая спичкой, чтобы прикурить. – Доложите обстановку.

– Есть! Из Делятина бандиты направились в Яремче, но там их уже ждали наши люди. После короткой стычки их удалось оттеснить к реке. Некоторым из них, вероятно, удалось переправиться на другой берег Прута, а небольшая группа, примерно, человек восемь, ушла вниз по течению. Полагаю, что Вепрь в этой второй группе. Нет никакого сомнения, что он через Кременцы попытается выйти на Яблоницу, чтобы уйти через перевал на Чёрную Тису. Ну, а там ищи ветра в поле. В Кременцах и Яблоницах наши предупреждены. Ещё одна группа отправилась на перехват в Кременцы. Часть своих людей я отправил с машиной к Яблонецкому перевалу. Со мной осталось десять человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.